

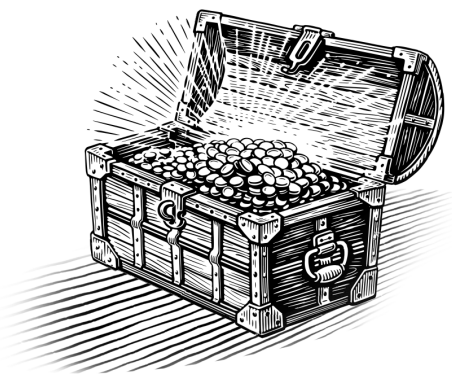

*Моим родителям,
показавшим мне Флоренцию
и подарившим целый мир*

ОДИН

Грязь была с берегов реки Арно. Но с берегов реки Арно *внутри* городских стен, так что, наверное, это была и не совсем грязь. К тому же от рук Кэт вошло вовсе не грязью.

Но ей доводилось прикасаться к вещам и похуже. И все же недоверчивый Джио решил испытать ее.

Она следила за каретой.

Карета въехала в город через ворота Порта Романа, и Кэт подумала, что это глупо. Расписанная словно картина, огромная, великолепная золоченая карета притягивала взгляды, и любой бы догадался, что она принадлежит очень богатым синьорам. Но почему эти люди не догадывались, что в это время суток Порта Романа превращается в мешанину из людей и повозок? Хотя, возможно, они были слишком богаты, чтобы задумываться о подобных вещах.

Впрочем, едва ли их богатства хватило бы, чтобы не беспокоиться вообще ни о чем. Кэт притаилась в тени, когда карета остановилась перед пекарней синьора Бруно. Здесь продавались кексы чиамбелла, которые Джио иногда воровал. Синьор Бруно прямо-

Кейтлин Шнайдерхан

стился на лестнице, приставленной к стене его двухэтажной лавки. Держа в руке ведро с мыльной водой, он скреб стамеской по стене, сдирая наклеенную листовку. Кэт сжалась еще сильнее, заметив двух городских стражников, которые, стоя около лестницы синьора Бруно, внимательно наблюдали за ним.

Бархатная занавеска кареты метнулась в сторону. Рука, отдернувшая ее, засверкала в солнечном свете, не уступая карете в сиянии. Прежде чем занавеска вновь опустилась, Кэт успела разглядеть мелькнувшее в окне хмурое лицо. Мгновение спустя двое гвардейцев Медичи направились к городским стражникам. Кто-то внутри кареты стукнул по крыше, и кучер погнал лошадей вперед. Кэт поспешила за ними, а у нее за спиной вспыхнул спор между группой мужчин в форме.

На стене, несмотря на все старания синьора Бруно, все еще виднелся последний клочок бумаги. А Кэт в последние дни несколько раз натыкалась на такие листовки. *Республика*. Вот о чем в них говорилось.

Улыбнувшись, Кэт помчалась дальше.

Карета направлялась к площади Синьории, самой большой площади в сердце Флоренции. Одно из любимых мест Кэт в городе. Ей нравилось смотреть, как булыжники, которыми были вымощены улицы Флоренции, разлетаются во все стороны из-под колес. Нравились широкие арки Лоджии Ланци. И сияющий белый мрамор статуи *Давида*, возвышавшейся перед главным входом в Палаццо Веккьо.

Когда карета выехала на площадь, отовсюду послышались приглушенные голоса. Люди один за другим оборачивались, пока вся толпа не уставилась на герб, красовавшийся на дверцах кареты.

«*Медичи?* — слышала Кэт их шепот, проходя мимо. — *Папа вернулся?*»

Ограбление Медичи

Словно в ответ на этот вопрос, занавески великолепной кареты распахнулись, отодвинутые той же рукой, сверкавшей драгоценными камнями. Теперь в окне не видно было озабоченных хмурых лиц — взгляду толпы предстал мужчина, облаченный в пурпур и золото, с добрыми глазами и снисходительной улыбкой.

«Но ты же сказал, что он из рода Медичи, — чуть раньше в тот же день возразила Кэт. — Как он может быть папой, если он тоже Медичи?»

Взгляд, которым Джио одарил ее, ясно говорил, что столь глупые вопросы задают лишь малолетки, а у десятилетних, как Джио, нет времени на малышню.

— Моя возлюбленная Флоренция! — провозгласил папа Лев X, он же Джованни Медичи. Его голос разнесся над толпой. — Я вернулся домой!

Реакция была мгновенной. Площадь взорвалась радостными криками, люди толкались, пробираясь вперед, чтобы получше разглядеть карету. Кэт позволила людскому потоку увлечь себя дальше, отвратительный запах, исходивший от ее правой руки, прокладывал ей дорогу в толпе.

К тому времени, как Кэт добралась до первых рядов, гвардейцы в синей форме дома Медичи принялись оттеснять людей от кареты. Однако они не обратили внимания на Кэт. Кому интересна девчонка, затесавшаяся в толпе напирających взрослых?

— Я польщен вашим теплом и любовью, — воскликнул папа. Его голос разнесся над площадью. — Мой дорогой кузен заверил меня в вашем гостеприимстве, но совсем другое дело — наблюдать его лично! Не поприветствуешь ли ты свой народ, Джулио?

Рядом с папой в окне кареты замаячил изящный силуэт. Однако он не торопился выбраться из тени. Папа закатил глаза.

Кейтлин Шнайдерхан

— Сам кардинал Медичи приветствует вас.

Пожилая женщина в серой шали сумела подобраться к окну кареты.

— Ваше Святейшество! — прокаркала она, потянувшись к руке папы. Кэт увидела, как тот с отвращением бросил взгляд в глубину кареты, на своего угловатого спутника. А затем отпрянул от старухи, торопливо осенив ее крестным знамением

— Благодарю вас, — вскричала старуха. Она отпрянула от окна, по ее щеке скатилось несколько слезинок.

— Будь благословенен этот город, — воззвал папа. — И да будет благословенна каждая душа в нем!

И тут Кэт метнула в него шариком из дерьма.

Хорошо прицелиться не вышло, и снаряд угодил в край окна. Однако он со смачным шлепком забрызгал блестящую мантию, и папа с воплем «Господи Иисусе!», от которого у Кэт заложило уши, отшатнулся в глубину своей роскошной кареты.

— Кто это сделал? — взревел капитан гвардейцев Медичи. Он развернул свою лошадь между каретой и толпой. Но даже его рев не мог заглушить вопли: «Только *взгляни* на меня, Джулио, я весь в *ирязи!*», доносившиеся из окна кареты.

По толпе прокатилась волна возмущения, ропот все нарастал и нарастал.

Кто-то отпихнул Кэт назад, и карета скрылась из виду за широкими плечами.

— Я желаю, чтобы их поймали! Чтобы их выпоролы! — голосил папа Медичи. Но его все труднее было расслышать за нарастающими криками толпы. Люди больше не ликовали, по крайней мере, не все из собравшихся на площади.

Ограбление Медичи

— Да здравствует Республика! — Голоса скандировали со всех сторон, пока их рев не сделался оглушительным. — Да здравствует Республика!

Кэт вдруг сообразила, что заранее не обдумала пути отступления. И сейчас все осложнилось, потому что гвардейцы в синей форме Медичи принялись рыскать по толпе, расталкивая зевак. Они кого-то искали.

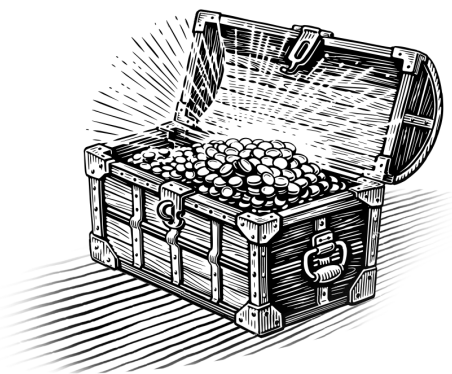
Искали ее.

Проглотив ком в горле, Кэт развернулась, чтобы бежать. Но людской поток, который раньше нес ее прямо к карете Медичи, теперь работал против нее. Площадь словно превратилась в стену из ног и туловищ, и теперь никто не желал уступить дорогу девушке с перепачканными в вонючей грязи руками. Не сейчас, когда стражники приближались. И тут...

Толпа расступилась. Всего на мгновение. И в это мгновение Кэт увидела шанс на спасение.

Не раздумывая, она нырнула в хаос Флоренции, спасший ей жизнь.

ДВА

Если уж рассуждать об обнаженных мужчинах, то Роза Челлини считала, что этот точно достоин внимания. Мускулистый. Высокий и статный. У нее свело шею от напряжения. Но сколько бы она ни стояла у его ног, Давид ни разу не опустил глаз, чтобы встретиться с ней взглядом.

Но это вполне нормально. В конце концов, он же статуя.

Расправив юбки, она удобно примостилась на каменном постаменте. Пришлось проявить ловкость, чтобы случайно не задеть цветочные букеты, фрукты, а также... менее вкусные подношения, разбросанные у ног статуи. Однако, несмотря на все ее старания, небольшой листок бумаги вспорхнул, вырвавшись из-под свертка с подношениями, изрядно поклеванного голубями. Роза подхватила его, стараясь не читать нацарапанные на нем расплывчатыми чернилами молебны, молитвы или мечты, но тут что-то на булыжной мостовой привлекло ее внимание: клочок бумаги с несколькими обрывками печатных слов.

— РЕСПУБЛИКА ФЛОРЕНЦИЯ, — гласила надпись. Чернила были размазаны.

Ограбление Медичи

Роза отпихнула его ногой и смогла, наконец, найти свободное местечко. Достав колоду потертых карт, она принялась их перетасовывать, со сдержанным любопытством разглядывая толпу.

Площадь постепенно пустела, хаос, царивший здесь последние несколько минут, медленно затихал. Гвардейцы Медичи все еще рыскали вокруг, допрашивали прохожих, искали того, кто отважился запустить в главу Церкви чем-то похожим на горсть свиного дерьма.

Это была прекрасная карета. И грязный снаряд угодил прямо в середину тройного цветка лилии — герба Медичи, украшавшего дверцу кареты.

Роза выложила три карты и принялась ждать.

Флоренция, построенная на руинах, обрела богатство и славу благодаря деньгам и махинациям дельцов Медичи. Год за годом они скрывались под маской смирения и симпатии к простым людям, пряча бездонные сундуки с богатством, и постепенно превратили город из нескольких лачуг на берегу реки Арно в обширную метрополию. Именно таким город был сегодня.

Роза подумала, что увидеть позолоту и кованные узоры, украшавшие карету папы, было подобно глотку свежего воздуха. Этот отпрыск Медичи был не из тех, кто притворялся простаком. Свое богатство он выставлял напоказ. И спустя шесть лет, в течение которых она избегала этого города, словно чумы, Роза вошла в ворота почти в то же мгновение, что и он.

— Что ты здесь делаешь?

Роза улыбнулась двум гвардейцам поверх деревянной доски, примостившейся у нее на коленях. Она представляла, как выглядит со стороны. Невысокая молодая женщина с растрепанными темными

Кейтлин Шнайдерхан

волосами, черными глазами, обманчиво беззащитная. Ее красная шерстяная юбка была перепачкана дорожной грязью, а изрядно потрепанный кожаный ранец, местами уже подлатанный, требовал новых заплаток.

Она не представляла угрозы. Ничем не примечательная девушка.

— Добрый день! — защебетала она, переворачивая три игральные карты лицом вверх. *Валет. Шестерка. Королева.* — Какой благословенный день! Можете ли вы поверить в нашу удачу? Оказаться рядом с таким человеком? Ну, конечно, можете — вы, наверное, постоянно его видите...

Один гвардеец залился краской. Другой — нет. Значит, у Розы есть шанс заработать.

— Вы не видели здесь девчонку? — требовательно спросил тот, что не покраснел. Другой не сводил глаз с карт в руках Розы.

— Девочку? Сегодня я видела много девочек. Хотите сыграть в «Найди Даму»?

Последние слова предназначались гвардейцу, которого явно заинтриговало ее предложение. Он не сводил с нее изумленных глаз. Парень был моложе своего напарника, возможно, даже ровесник семнадцатилетней Розы. Смущенный внезапным вниманием, он, заикаясь, пробормотал: «Я... гм... я не...»

— Я научу, как играть, — сказала Роза. Она снова перевернула карты и начала тасовать колоду, стремительно вращая и переворачивая карты.

— Она была бы примерно такого роста, — сказал другой гвардеец, не обращая внимания на карты.

Он поднял руку до пояса.

— Грязная. В поношенной одежде.

Роза шумно вдохнула.